

Альбер Шац

ИНДИВИДУАЛИЗМ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ

УДК 330.82+316.2
ББК 65.01+60.51
ШЗ2

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)

Перевод с французского:

В. П. Гайдамака — Предисловие, Введение, Часть первая, Часть вторая, гл. I–III
А. В. Матешук — Часть вторая, гл. IV–X, Заключение

Шац, Альбер.

ШЗ2 Индивидуализм экономический и социальный. Истоки, эволюция, современные формы / А. Шац ; пер. фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 706 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2021. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-732-6

Первая и остающаяся единственной история формирования доктринального индивидуализма, теоретической основой которого послужила экономическая теория, а практическим следствием стал либерализм.

Автор начинает с момента эмансипации социальной философии от религии и теологии (Гоббс и Мандевиль), исследует процесс формирования ядра классической доктрины индивидуализма (физиократы, Юм, Смит, Рикардо, Мальтус) и шлифовку различных ее аспектов (Дюнуайе, Милье). Затем А. Шац анализирует концепции Бастиа, Токвиля, Тэна, Спенсера и христианских мыслителей.

Во второй половине XIX в. внезапное торжество демократии с плохо организованной электоральной массой потребовало во Франции соединения экономического и политического либерализма в рамках учения о либеральной демократии. Заключительные главы посвящены тупиковым, по мнению автора, ответвлениям индивидуализма — анархическому и аристократическому.

Вместо послесловия книгу завершает статья Ф. Хайека «Индивидуализм: истинный и ложный».

УДК 330.82+316.2
ББК 65.01+60.51

Электронное издание на основе печатного издания: Индивидуализм экономический и социальный. Истоки, эволюция, современные формы / А. Шац; пер. фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. — Москва ; Челябинск : Социум, 2021. — 703 с. — ISBN 978-5-91603-127-0. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-732-6

© Социум, 2021.
© В. П. Гайдамака, перевод, комментарии, 2021
© А. В. Матешук, перевод, комментарии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	13

Часть первая

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Глава I. Меркантилизм и антимеркантилистская реакция	23
I. Меркантилизм	24
II. Руководящие идеи антимеркантилистской реакции	38
Глава II. Психологические основы индивидуализма: от Гоббса до МанDEVИЛЯ	47
I. Политические и экономические теории Т. Гоббса	51
II. Школа нравственного чувства	60
III. Б. де МанDEVИЛЬ	67
Глава III. Доктринальный либерализм во Франции: физиократы	85
I. Школа физиократов	86
II. Теория естественного порядка	94
III. Заключение физиократов, касающиеся социального искусства	100
IV. Политические и налоговые теории физиократов.	109
Глава IV. Формирование доктринального либерализма в Англии: Д. Юм и А. Смит.	116
I. Английская школа	118
II. Система естественной свободы.	124
III. Выводы для социального искусства, вытекающие из «системы естественной свободы»	142
Глава V. Формирование научного либерализма: теория ценности, теория народонаселения и теория ренты	149
I. Теория ценности	151
II. Теория народонаселения	161

III. Теория ренты	174
IV. Заключение научного либерализма в области социального искусства	180

Часть вторая

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛИЗМА В XIX ВЕКЕ

ГЛАВА I. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ: Ш. ДЮНУАЙЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОБОДЫ	194
I. Определение свободы	196
II. Государство как производитель безопасности	201
III. Свобода и государство	205
ГЛАВА II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ):	
Дж. С. Милль и теория индивидуализма	213
I. Метод Стюарта Милля	216
II. Теория индивидуализма	221
III. Теория «стационарного состояния»	228
IV. Индивидуализм и социальные реформы	235
V. Общественный прогресс и социализм.	242
ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ ОРТОДОКСАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: БАСТИА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	251
I. Доктринальный экономический оптимизм около 1850 г.	252
II. Полемическое наследие Бастиа	256
III. Теоретическое наследие Бастиа	263
IV. Последователи Бастиа	275
ГЛАВА IV. СОЕДИНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ТЕОРЕТИКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ.	283
I. Демократическое общество и демократическое правление	286
II. Демократическое равенство и свобода	294
ГЛАВА V. СОЕДИНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ СВОБОД	302
I. Необходимые свободы индивида	311
II. Ограничение функций государства	322

ГЛАВА VI. Индивидуалистическая интерпретация истории: Токвиль и Тэн	332
I. «Старый порядок и Революция»	336
II. «Происхождение современной Франции»	339
III. Ошибки Революции	343
ГЛАВА VII. Либерализм и христианство	358
I. Христианская идея власти: Ле Пле и школа социальной реформы	362
II. Христианская идея справедливости: социальный католицизм	376
III. Христианская идея любви: демократическое христианство и евангелическая солидарность	394
ГЛАВА VIII. Социологический индивидуализм	412
I. Синтетическая философия Герберта Спенсера	418
II. Индивидуалистическая философия после Спенсера	435
ГЛАВА IX. Индивидуализм антиэтатистский и анархический	452
I. Попытки определения роли государства в экономической сфере	459
II. Парадокс индивидуализма	465
III. Анархический индивидуализм Прудона	469
IV. Анархический индивидуализм Макса Штирнера	485
ГЛАВА X. Аристократический индивидуализм: его экономический и философский аспекты	494
I. Философия нищеты	496
II. Теория экономической роли элит	501
III. Философия аристократического индивидуализма	511
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	529
Фридрих Хайек Индивидуализм: истинный и ложный	553
КОММЕНТАРИИ	593
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	624
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	672

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой сжатое изложение курса лекций по истории экономических учений, прочитанного для аспирантов в области политических и экономических наук. Интерес к лекциям, как мне показалось, проявленный лучшими из моих слушателей, натолкнул меня на мысль, что письменная версия курса могла бы пригодиться некоторым их товарищам и будущим соискателям.

Мне хотелось бы, чтобы книга была принята и более широкой публикой — теми, кто из любознательности интересуется общими идеями. Именно общие идеи экономистов прошлого и лучших экономистов современности я постарался систематизировать на страницах своей книги. Прошу только не бояться ее названия. Читатель, вероятно, часто слышал, что индивидуализм — это эгоизм, замкнутость индивида, поставленного перед необходимостью быть самодостаточным и равнодушным к другим; понятно, что есть веские причины для предубеждения против этого слова. Даже достойнейшие люди заблуждались, позволяя навязывать себе слишком буквальное, совершенно неверное его толкование, и многие считают себя весьма далекими от подобной доктрины, хотя в действительности они очень близки к ней. Общественное мнение охотно принимает на веру вымыслы и часто слепо в своих предрассудках и пристрастиях. Индивидуализм особенно пострадал от досадных искажений, которым его подвергали. Я хотел бы, чтобы он, подобно олимпийским богам, после своих земных проделок умывавшимся амброзией, полностью очистился от ошибочных интерпретаций.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь вообще и сложная цивилизованная жизнь в частности ставят человека перед необходимостью непрерывно принимать решения. В каждом из своих решений человек свободен или считает себя свободным. Поэтому он должен выбирать между факторами, склоняющими его принять то или иное решение. У него есть только один способ избежать без конца возникающих неуверенности и колебаний и внести в свое существование относительное единство: установить определенное число принципов, которые будут подсказывать ему, как вести себя при обычных обстоятельствах, когда от него требуется какое-то решение. Такие принципы, относящиеся, например, к морали, к гигиене и к различным профессиональным отраслям знания, могут быть выделены и объединены в зависимости от области, где они находят применение. В каждой из этих областей они составляют доктрину. Экономическая доктрина, таким образом, может рассматриваться как совокупность принципов или предписаний, определяющих нашу деятельность в экономической сфере.

У каждого из нас есть какая-то доктрина, относящаяся к политической экономии, так же как и доктрина, касающаяся морали или гигиены. Неважно, сознаем мы ее или нет. Г-н Журден^{1*}, как известно, был весьма удивлен, узнав, что он с малых лет говорит прозой. У нас не может не быть доктрины. Если кто-то утверждает, что свободен от всякой моральной доктрины, значит, он просто отвергает теологическую, официальную или утилитарную мораль и ставит на их место собственную доктрину, которая, вероятно, является моралью своеволия. Утверждая, что у них нет экономической доктрины, люди, по сути, говорят, что они считают необоснованными социализм, индивидуализм и аналогичные общие учения, не признают существования естественных законов, отрицают необходимость привести общество в состояние, отличное от нынешнего, а принимают

оппортунистическую доктрину, принцип которой можно определить так: стремление к максимальному удовлетворению в настоящем. Следовательно, сказанное Аристотелем о философии: «Εἰ φιλοσοφητέον, φιλοσοφητέον· εἰ δὲ μὴ φιλοσοφητέον, καὶ ἔτι φιλοσοφητέον, πάντως δὲ φιλοσοφητέον», — можно распространить за пределы философской области. «Если должно философствовать, то надо философствовать, если не должно, то, [чтобы это доказать,]^(*) опять-таки нужна философия, так что в любом случае надо обращаться к философии»^{2*}.

В том, что доктрины принимаются полусознательно, кроются некоторые опасности. Жизнь общества и ее улучшение — дела коллективные, предполагающие определенное содействие воль. Плохо, когда и первая и второе находятся в полной зависимости от случая, от непостоянного, импульсивного и мало просвещенного общественного мнения, которое в поисках своего пути ничем не защищено от непоследовательности. Власть общественного мнения становится все более деспотичной, и в зависимости от того, будет ли оно мудрым либо неразумным, наше личное существование окажется счастливым либо несчастным (постольку, поскольку в наше счастье и несчастье входят материальные элементы). Поэтому желательно, чтобы общественность ясно видела цель, к которой она стремится. Значит, надо, чтобы она обдуманно выбирала экономическую доктрину и, следовательно, знала доктрины, предлагаемые ей на выбор.

Некоторые экономисты рассматривают общественное мнение при нынешнем состоянии вещей как незрелое. С тех пор, как экономические явления стали предметом специальных исследований, прошло не более двух столетий; применять к ним строгие методы, требуемые современной наукой, попытались лишь несколько лет назад, и сейчас в этом направлении делаются еще только робкие шаги: одни выступают сторонниками исторического метода, другие — психологического, третьи — социологического, четвертые ориентируются на математический метод. По мнению вышеупомянутых экономистов,

(*) Здесь и далее текст в квадратных скобках принадлежит автору, в угловых — переводчикам. — *Прим. изд.*

прежде чем формулировать выводы и предписания, политическая экономия должна позаботиться о том, чтобы стать наукой, достойной этого имени. И потому роль экономиста, по крайней мере временно, на неопределенный срок, состоит единственно в том, чтобы констатировать факты, внимательно изучать их в прошлом и в настоящем, не претендуя влиять на будущее.

Если бы политическая экономия была только наукой, такая щепетильность заслуживала бы лишь одобрения. Но в действительности она одновременно является искусством, и это ее свойство, как мне представляется, налагает на нее и другие обязанности. Пока ученые терпеливо занимаются исследованиями и собирают материал, политическая жизнь идет своим чередом. В качестве правящих или избирателей нам постоянно приходится высказываться по вопросам, от решения которых невозможно уклониться. Хотим мы того или нет, в жизни мы почти каждодневно действуем как индивидуалисты или социалисты, протекционисты или сторонники свободы торговли. Должны ли мы допустить, чтобы эти вопросы решались случайными обстоятельствами, давлением существующих интересов, — когда на протяжении как минимум двух столетий столько великих умов увлеченно занимались проблемами того же порядка; когда их практический опыт может восполнить пробелы нашего опыта; когда они объяснили столько явлений, сбивающих нас с толку своей сложностью? Я так не считаю. Конечно, в политической экономии, более чем где-либо, абсолютные истины неуместны и принимаемые принципы требуют оговорок и терпимости. Может быть, принципы, которые кажутся нам сегодня твердо установленными, завтра будут опровергнуты, хотя в результатах, полученных благодаря новым методам, ничто этого не предвещает. Но из-за такой неопределенности (*incertitude*), в конечном счете сопряженной со всеми формами человеческого знания, не следует оставлять без внимания положительные данные, которыми уже располагают экономические доктрины. Если те, кто постоянно изучает эти вопросы и способен со всей искренностью дать связанный с ними компетентный совет, помогающий нам регулировать наше поведение, — если они откажутся от своей нынешней образовательной роли, кто же тогда попытается отвлечь от отдельных людей и целых

народов сокрушительные катастрофы, к которым может привести слепой оппортунизм и в которых может погибнуть не только богатство, но и сама душа нации?

Цель и польза истории экономических учений в том, что она по частям собирает информацию, позволяющую нам со знанием дела доверять или отказываться в доверии экономическим системам, добывающимся нашего одобрения. Эти системы многочисленны, и делать выбор между ними было бы трудно, если бы за их видимым разнообразием и видимым расхождением не скрывался вечный антагонизм двух направленностей человеческого ума, порождающих, когда наступает время, две основные противоположные доктрины, между которыми только и осуществляется выбор.

Есть умы, которые, в силу некой естественной склонности к пессимизму, с упорной односторонностью сосредотачиваются на социальном зле, т.е. на множестве несовершенств, существующих во всяком человеческом объединении, и усматривают их причину во внешнем факторе — общественном устройстве. Это устройство можно, а значит, и нужно изменить, если потребуется — насильственным путем. На смену прежнему придет новое общество, отвечающее какому-то идеалу справедливости, содержание которого, довольно неопределенное, зависит от времени, общества и живущих в нем людей. Этот идеал обычно называют *социальной справедливостью*, в отличие от Справедливости, которая мыслится единой и неизменной. Общество должно достигнуть известной моральной цели: оно должно быть справедливым; при отсутствии у него этого свойства его следует разрушить и заменить другим обществом.

Таким образом, общество есть некая реальная и конкретная сущность; это великая экономическая реальность. Индивид — продукт общественного устройства. Благодаря главной способности всякого мыслящего существа, Разуму, возможности совершенствования индивида безграничны. Он будет бесконечно приспособляться к морально улучшающейся социальной среде.

Подобная направленность ума, отмечаемая у политических деятелей, философов, литераторов, драматургов, журналистов, порождает у экономистов такую доктрину, как социализм.

И наоборот, есть умы, которые, не игнорируя неизбежных несовершенств в человеческих делах, естественно склонны принимать во внимание не только зло, но и благо, противопоставлять беспорядку гармонию, а главное — ограничивать свои реформаторские устремления областью, представляющей им достаточно узкой, — областью возможного. Они полагают, что зло зависит от причин двоякого рода и наша власть над ними неодинакова. С одной стороны, зло порождается естественными причинами, аналогичными тем, которые вызывают циклоны, бури и дожди, когда мы хотим солнца, и солнечную погоду, когда нам желателен дождь, и которые в конце концов обуславливают нашу смерть, независимо от наших достоинств, общественной значимости и жажды жизни. Пытаться повлиять на эти причины — пустая трата времени и плохая помощь в том, чтобы с подобающим смирением выносить превратности судьбы. Из-за действия этих причин экономическая жизнь и само общество не носят морального характера. Но они не аморальны — они имморальны, по крайней мере по своей сущности, как и явления физического и химического порядка. Мораль только смягчает последствия некоторых явлений. Так физик, объяснив, почему идет дождь и почему этому нельзя помешать, может, однако же, дать зонтик другу, оказавшемуся в затруднительном положении.

Но социальное зло отчасти зависит и от других причин, на которые мы в определенной степени можем влиять. Это причины не внешнего, а внутреннего порядка, коренящиеся в самой природе человека. Человек не способен совершенствоваться до бесконечности; в частности, в своем экономическом существовании он не подвержен побудительному влиянию Разума. Как правило, он действует, движимый личным интересом, а затем, по совершении действия, объясняет его рациональными соображениями. Человек так изошрился в этом упражнении, что часто заблуждается сам и вполне искренне думает, будто разум имеет над ним безграничную власть. При таком положении дел нелегко представить себе, чтобы в один прекрасный день какой-то мастер создания обществ, обладающий фантастической властью, искусственно, по продуманному плану, устроил золотой век. При любом перевороте в обществе чьи-то

интересы будут ущемлены, и пострадавшие назовут «социальной справедливостью» обеспечение для них лучшей участи. Учитывая сказанное, благоразумно было бы избегать таких переворотов, поскольку они никогда не достигнут своей цели и, напротив, могут нанести всем большой ущерб, уже не моральный и идеальный, а экономический и практический, поставив под угрозу то равновесие, которое, как бы то ни было, установилось в общественных отношениях. Это равновесие, сравнимое со здоровьем организма, так же как и последнее, устанавливается само собой. Общество, подобно новорожденному, появляется на свет со всеми своими органами. Важно понять их функционирование и их естественный порядок — не затем, чтобы его изменить, сколь бы нелогичным он нам ни казался, а затем, чтобы его смягчить.

У нас есть только один способ смягчения естественного экономического порядка: воздействовать на индивида. Говоря об обществе, мы в конце концов привыкаем смотреть на него как на соседа, с которым встречаемся каждый день. Это всего лишь игра ума. Общество — соединение индивидов, которые, составляя часть целого, не отказываются от своей личности. Разумеется, есть коллективная жизнь, коллективные эмоции, сочетающиеся с индивидуальной жизнью и индивидуальными эмоциями, но реальность, доступная нашему влиянию, — это в конечном счете индивид. Невозможно переделать общество в целом, так же как дорожному рабочему не под силу передвинуть сразу всю нагроможденную им кучу булыжников. Следовательно, воздействие на общество — то же, что воздействие на индивидов, объединенных в общество. Для совершенствования общества надо совершенствовать каждого из составляющих его индивидов, учитывая их реальные способности, вероятно, не столь нравственные, как нам бы хотелось, но действительные, и не приписывая людям несуществующих способностей. Нужно довести каждую единицу социального образования до полного расцвета.

Когда такая направленность ума претворяется в экономическую доктрину, она получает наименование «индивидуализм». Эта доктрина, предпочитающая энтузиазму размышление и, следовательно, предполагающая определенную зре-

лость человеческого ума, появилась лишь в XVIII в. и до сих пор встречает непонимание и превратное толкование со стороны тех граждан современных демократических государств, которые сохранили детское простодушие. После полууспеха, отчасти равнозначного для нас обществу, созданному Революцией, свободе труда, сегодня оказавшейся под угрозой, и свободе торговли, ныне принесенной в жертву, индивидуализм отступил в общественном мнении перед торжествующим социализмом. При любом политическом строе система, которая открывает людям глаза на их страдания, пусть даже те их не испытывали, и исцеляет локальную болезнь (что видно), подрывая при этом общее здоровье (чего не видно), обладает неодолимой притягательной силой. При всеобщем избирательном праве притягательная сила такой системы неизбежно удесятерится; соблазн существует, пока экономическое образование не придаст демократии критический дух, составляющий условие всякой научной подготовки, всякого интеллектуального прогресса и общественного процветания.

Однако индивидуализм все же уцелел. Какую бы форму ни принимала социалистическая идея, индивидуалистическая идея противостоит ей в политической, философской, исторической, религиозной и научной областях. Приверженцы индивидуализма есть не только среди экономистов, но и среди литераторов, драматургов и журналистов. Множественные экономические доктрины, которые делят между собой общественное мнение, — различные теории социализма, социальное христианство, школа Ле Пле и социальной реформы, кооперативизм, солидаризм и т.д. — представляют нам защитников всего двух идей: это более или менее решительные социалисты и индивидуалисты, не осознающие себя таковыми. Социализм, завладевший общественным мнением, известен или, вернее, мог бы быть известен в качестве экономической системы. Он подвергся вульгаризации и стал общедоступным. Индивидуализм постепенно низводится до положения элитарной доктрины, превращаясь как бы в подземное течение под руслом, где бурлит социалистический поток. Его признанные выразители в XIX в., те, кого называют либералами, не только не пробудили симпатию к нему, но и порой придавали этому яркому

учению об освобождении и о снятии ограничений неприглядный вид классовой доктрины, противоречащей всем современным устремлениям. Если терпение читателя еще не истощилось, надеюсь, он убедится, что эти устремления по большей части можно примирить с интеллектуальной осмотрительностью и взвешенностью, которые принадлежат к существенным признакам индивидуалистического духа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Глава I

МЕРКАНТИЛИЗМ

И АНТИМЕРКАНТИЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

Если верно, что среди основных типов человеческих характеров всегда существовал индивидуалист, то индивидуалистический дух мог породить экономическую доктрину только при сочетании определенных условий. Его история похожа на историю тех сказочных принцесс, которых судьба обрекает на сон до тех пор, пока не явится прекрасный принц, чтобы их разбудить. В Античности и в Средние века таких условий не было¹.

В Античности политическая экономия — служанка моральной философии. Под именем последней Ксенофонт, Сократ, Платон и Аристотель занимаются моральными рассуждениями или предаются коммунистическим мечтаниям. В своих моральных рассуждениях они восхваляют ограничение материальных потребностей и стремление к Высшему благу. О том и о другом должно заботиться аскетическое авторитарное государство. Коммунистические фантазии этих мыслителей, также связанные с аскетической идеей, строятся на восприятии общества как экономической системы, морально приемлемой постольку, поскольку она способствует намеренному сокращению общественного богатства.

В Средние века политическая экономия — служанка теологии. Единственная ее тема (если не учитывать частные теории

¹ Что касается библиографии к этой главе, ограничусь тем, что отошлю читателя к двум общим хорошо документированным классическим трудам: *L. Cossa. Histoire des Doctrines économiques* (Paris, Giard et Brière, 1899)^{1*} и *A. Dubois. Précis de l'Histoire des Doctrines économiques, t. I* (Paris, Rousseau, 1903), в особенности ch. II, sect. 2, «Sources», p. 146—175 (вышел в свет только один этот том).

денег у Буридана и Орема) — давно утратившая актуальность полемика между Отцами Церкви об оправданности ссуды под проценты или торговой прибыли и того, что считают ее неизбежной обратной стороной, а именно убытка одного из участников обмена.

В XVI в. экономическое развитие обществ эмансипирует социальную мысль и ломает тесные рамки, в которых она задышалась прежде. Теперь уже ставят вопрос не о том, должна ли страна богатеть, а о том, как ей вернее всего стать богаче. Чтобы ответить на этот вопрос, создаются различные экономические системы, но индивидуалистический дух не сразу переживает подъем. Так как он есть дух независимости и эмансипации, то, прежде чем воплотиться в доктрину, ему необходимо вступить в противоборство с духом подчиненности, принадлежащим к самой сути меркантилизма; а эту борьбу, где против него все историческое прошлое народа и сформировавшиеся под влиянием наследственности характеры людей, можно успешно вести только тогда, когда чрезмерное вмешательство государства уже принесло свои пагубные плоды. Истоки индивидуалистической доктрины — именно в меркантилизме и в порождаемой им либеральной реакции против интервенционизма.

I. Меркантилизм

Представляется, что формированию меркантилистской системы способствовали две политические идеи. Первая — идея национального единства: королевская власть в своей борьбе против сеньоров заменила этой идеей понятие существующих отдельно друг от друга местных экономик. Во время Столетней войны королевская власть защищала идею национального единства против внешнего врага; поэтическим символом этой защиты стала военная кампания, возглавляемая Жанной д'Арк. Новое, более широкое объединение, которое образовалось под именем нации, должно быть политически и экономически независимым.

Вторая идея — отождествление национальной экономики с тем, кто ее основал, т.е. с королем. Король — это отец сооб-

щества с такими атрибутами «отца», как созидание, защита, властвование. Власть, благотворное действие которой ребенок испытывает на себе в семье, постепенно перешла к сеньору, а затем к государю. Политическая и экономическая жизнь в целом являет собой сложный механизм, и король должен регулировать его, приводить в движение его колеса и пружины. Естественная функция правителя — обеспечение охраны порядка в королевстве. Государь как заведующий сообществом — это высшее лицо, управляющее экономической машиной.

До меркантилизма роль короля определялась системой снабжения и бульонизмом^{2*}. Система снабжения отвечает главной заботе бедного общества, в котором из-за трудности коммуникаций нет взаимосвязи между различными частями национальной территории. Король должен обеспечить — устройством хлебных складов или запрещением вывоза — необходимые продовольственные запасы, военные поставки во времена, когда войны ведутся постоянно, и поддержание в королевстве всех полезных для страны промыслов.

Бульонизм основывается на идее, тоже извлеченной из памяти о семейном хозяйстве: поскольку общество тем богаче, чем больше у него золота и серебра, глава государства должен максимально увеличивать его металлический запас. Экономической мощью обладают государства богатые, такие как торговые государства — Голландия и Англия — или государства, имеющие месторождения драгоценных металлов в Европе или в Новом Свете, например Испания. Распространенный предрасудок в данном случае может отстаиваться с помощью вполне убедительных доводов. Государь нуждается в деньгах и получает их путем взимания налогов; взимать налоги тем легче, чем больше золота или серебра у его подданных. С другой стороны, мудрость народов издавна признавала деньги «нервом войны». Если необходимость денежных средств на военные расходы ясна для современных государств, то тем более она должна быть очевидна для людей XVI века, не знающих финансовых операций, которые делают ее в наши дни менее настоятельной.

Итак, бульонизм заключается в совокупности рецептов и процедур, предназначенных привлечь на территорию государства и удержать здесь как можно больше драгоценных металлов.

Это запрет на вывоз золота и серебра, воспреещение их косвенного вывоза в результате экономических сделок иностранцев: купцы, ввозящие товары, должны обменивать их не на наличные деньги, а на другие товары, что называют *балансом договоров мены* или *доходом в товарах*. Это изменения, касающиеся денег, — либо повышение их ценности, так как деньги, стоящие внутри страны дороже, чем за границей, не утекут из королевства, либо, наоборот, ее понижение, так как рост цен, который за ним последует, вынудит иностранных закупщиков больше тратить. Это искусственное повышение ссудного процента для привлечения иностранных капиталов; избыточная чеканка монеты; монополизация обменного курса и установление твердой цены переводного векселя, соответствующей номиналу, для того чтобы иностранные поставщики при невыгодном для них обменном курсе не были заинтересованы в вывозе драгоценных металлов.

Однако опыт довольно скоро показал, какое трудное дело — вмешиваться в обращение металлических денег. В 1549 г. автор «Рассуждения об общем благосостоянии Английского королевства» Джон Хейлз² тщательно анализирует пагубные следствия «порчи» монеты, или обесценивания денег, к чему прибежал Генрих VIII. Хейлз показывает, как происходящие с деньгами изменения, столь частые в ту эпоху, сказываются на положении каждого из классов общества. Англия жестоко страдает от подорожания жизни, от повышения арендной платы. Но дороговизна эта — искусственная: она вызвана только уменьшением веса драгоценного металла в монете, что вынуждает купцов, торгующих с другими странами, покупать очень дорого и дорого же перепродавать, так что цены на все растут по мере того, как внутри страны проявляются вытекающие отсюда последствия. Стало быть, на ценность денег влияет и внешняя причина, не зависящая от воли короля, и для него было бы выгодно пожертвовать доходами за год или за два, чтобы вновь найти точку опоры, восстановив денежный запас страны.

² *John Hales. A Discourse of the Common Weal of this Realm of England.* См. интересное исследование и прекрасный перевод А. К. Терсана: *A.-C. Tersen. John Hales, sa doctrine et son temps (thèse, Université de Dijon, Faculté de Droit, 1907).*

Таким образом, бульонистская идея, слишком простая, уступает место более сложной идее: государь не откажется от привлечения в королевство золота и серебра, но будет привлекать их более искусно и с меньшими рисками, усиленно развивая один из трех родов труда, способствующих обогащению нации: земледелие, промышленность или торговлю. Отсюда — три формы, принимаемые меркантилистской системой: аграрный, промышленный и торговый меркантилизм.

Аграрный меркантилизм может взять для себя девизом знаменитую причудливую метафору Сюлли: «Землепашество и пастьба суть две груди, кормящие Францию. Это поистине рудники и сокровища Перу»³. Сельское хозяйство удовлетворяет насущную потребность людей — потребность в пище. Его производительность по милости Божией позволяет ему «с лихвой» воздавать крестьянину за труд. Наконец, сельским трудом занимается огромная масса населения. Таким образом, сельское хозяйство со всех точек зрения заслуживает благожелательного вмешательства короля предпочтительно перед торговлей и промышленностью. Последние, если не считать мануфактурных изделий, необходимых для полевых работ, — занятия бесполезные. Нам нужно многочисленное и здоровое население, состоящее из земледельцев, чуждых утонченности и роскошества. Впрочем, эдикты против роскоши и чрезмерных расходов не допускают, чтобы ради приобретения предметов роскоши за границей подданные вывозили деньги из королевства.

Промышленный меркантилизм основывается уже на более широком понятии о том, какое направление следует придать национальному производству. Без сомнения, возделывание земли и другие сельскохозяйственные работы служат, по выражению Джона Хейлза, опорами нации, ибо они питают все тело королевства, и поэтому важно создать для земледельцев условия, обеспечивающие им самое благоприятное положение, но стоит ли бесконечно увеличивать их число, если тем, кто трудится на земле, и так живется нелегко? Сельскохозяйственное производство ограничено в силу физических и атмосферных

³ *Économies Royales, année 1598*^{3*} (reprod.: Nouvelle collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France, t. XVI, p. 283).

случайностей. Оно ограничено также законом непропорциональной отдачи: когда достигнут некоторый предел, для увеличения продукта на какое-то количество необходимо затратить не пропорциональное, а большее количество труда и капитала. Промышленность же, напротив, открывает мануфактуристу неограниченную и более надежную сферу деятельности. Кроме того, мануфактурные изделия заключают в себе, при равном весе и объеме, большую ценность, чем сельскохозяйственные продукты, и привлекают в королевство больше денег.

Следовательно, надо развивать промышленность, оказывая ей поддержку и покровительство. Каким образом? Через привилегии (освобождение от налогов, ссуды, субсидии и почетные награды промышленникам, предоставление монопольных прав). Через продуманную регламентацию (запрещение эмиграции рабочих, требование в обязательном порядке применять определенные технические приемы, использовать определенное сырье, производить определенные типы изделий, надзор над ремеслами и т.д.). Через ограничение ввоза иностранных товаров, способных конкурировать с национальными продуктами. Через свободный ввоз сырья. Через посредство мер, направленных на то, чтобы обеспечить дешевизну продукции и облегчить ее сбыт (тарификация заработной платы, поддержание дешевизны продовольствия за счет установления твердых цен или свободы ввоза в годы дороговизны и запрещения вывоза в годы изобилия). Через поощрение компаний судовладельцев (навигационные акты и дополнительные флаговые сборы, касающиеся товаров, доставляемых под иностранным флагом, с целью развития торгового и военно-морского флота). Через регламентацию колониальной торговли («колониальное соглашение, призванное сохранить за метрополией рынок сбыта, который ей открывают колонии»).

С разницей в несколько лет промышленный меркантилизм находит двух особенно оригинальных поборников: Джона Хейлза в Англии и Бартеlemi де Лаффема во Франции.

«К чему, — спрашивает Хейлз, — пересекать моря, разведывать месторождения Перу и других дальних стран или перерывать пески на берегах Тахо в Испании, Пактола в Азии, Ганга в Индии в поисках золотых самородков? К чему тревожить

земные недра, устраивая серебряные и золотые рудники, когда можно из невзрачной глины, которой мы не обделены, из камней и из корней папоротника создавать то же золото и серебро, и притом в больших количествах, чем их дадут рудники?»⁴ И так, чтобы сделать нацию богаче, достаточно национального труда, в особенности труда промышленного, при условии что английский работник преодолеет свою апатию и косность. Сегодня Англия позволяет вывозить сырье, которое иногда есть только у нее одной: шерсть, кожи, свинец, олово и т.д. Она ждет, чтобы иностранцы перепродали ей это в виде суконных товаров, перчаток, посуды. Еще бóльшую озабоченность вызывают вкус к роскоши и «вредные лавочки», где продаются экзотические товары, среди которых один англичанин XV века числит «пряности, сладкие вина, обезьян, длиннохвостых уистити^{4*}, разные безделушки — все, что поражает глаз»⁵. Досадно, что эти товары способствуют утечке из королевства либо золота, либо полезных и добротных изделий, на которые их обменивают. И так, произведенное в Англии сырье должно перерабатываться внутри королевства; все, в чем англичане испытывают нужду, следует изготавливать самим англичанам. Продукты рождающейся промышленности необходимо защитить таможенными пошлинами. Что до предметов роскоши, то они попросту будут запрещены. И чтобы развивать таким образом английскую промышленность, для начала надо занять всех бродяжничающих и безработных, которых не обеспечивает работой сельское хозяйство. Кроме того, надо привлекать иностранных работников — с помощью освобождения от налогов, бесплатного жилья, авансов и т.д. Наконец, национальных промышленников будут искусно побуждать трудиться деятельно и с толком. «К этому их можно привести, подвигнуть, привлечь, вознаграждая тех, кто усердно трудится, и позволяя им получать при-

⁴ *John Hales. Discourse of Common Weal, Second dialogue (trad. franç. A.-C. Tersen, p. 95).*

⁵ *Libell of English Pollicye. Цит. по: Cunningham. The growth of English Industry and Commerce... (Cambridge, 1905, 4th ed., t. I, p. 427).* <См.: Кеннингем У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. М., 1904.>

были и стяжать богатства в возмещение прилагаемых усилий... Лишите людей этой заманчивой возможности и попробуйте принудить их законами — кто пожелает пахать, копать землю или заниматься сколько-нибудь утомительным ручным трудом? И кто отважится перевозить морем какой-нибудь товар или станет развивать в себе какое-то дарование, не предполагая, в возмещение угрозы или опасности, которой он подвергается, определенную выгоду, превосходящую ту, какую он обыкновенно получает?»⁶

Почти в тех же выражениях Бартеlemi де Лаффема⁷, портной и камердинер Генриха IV, назначенный им в 1600 г. генеральным контролером торговли, говорит, что усматривает «в мануфактурных изделиях, потребных иностранным государствам... поистине сокровища Индий, столь же способные наполнить Францию деньгами и богатствами»⁸.

Чтобы развивать национальную промышленность, надо прежде всего пополнить финансы короля. Далее, надо остановить обнищание: безработные, «умирающие из-за крайней нужды, блуждающие подобно диким животным», найдут приста-

⁶ *John Hales. Discourse of Common Weal, Second dialogue (trad. franç., p. 83—84).*

⁷ Среди весьма многочисленных трудов и небольших сочинений, опубликованных Лаффема (*Laffemas*), можно обозначить как наиболее важные следующие: «Источники многих злоупотреблений, монополии, затронувшие французский народ» («*Sources de plusieurs abus, monopoles, qui se sont glissés sur le peuple de France*») (1596); «Общие правила для устройства мануфактур в нашем королевстве» («*Règlement général pour dresser manufactures en ce Royaume*») (1597); «Сокровища и богатства, придающие государству великолепие» («*Trésors et richesses pour mettre l'État en splendeur*») (1598); «Почему надо разрешить свободный вывоз золота и серебра за пределы королевства и таким образом сохранить наше золото и серебро и привлечь иностранное» («*Comme l'on doit permettre la liberté du transport de l'or et de l'argent hors du Royaume, et par tel moyen conserver le nostre et attirer celui des étrangers*») (1602).

Полная библиография помещена в изд.: *Dubois*. *Op. cit.*, p. 147. К приведенным в этой библиографии исследованиям о Лаффема прибавим: *Fernand Hayem. Un tailleur d'Henri IV: B. de Laffemas (Revue internat. du Commerce, de l'Industrie et de la Banque, 31 mars 1905, p. 161—192).*

⁸ *B. Laffemas. Sources de plusieurs abus, monopoles...*

нище и работу в крупных национальных мастерских. Лаффема советует содействовать производству во Франции промышленных изделий, в особенности заменяющих иностранные изделия, пользующиеся хорошей славой, а также, как сообщает его современник Оливье де Серр, дает совет покровительствовать шелковой промышленности. Привыкшие изысканно одеваться придворные больше не посмеют, при нехватке в стране драгоценных металлов, тратить золото и серебро на то, чтобы заказывать себе галуны, чем несказанно возмущен Лаффема. По его мнению, «это все равно что позволить целыми возами сбрасывать деньги Франции в море»⁹. Законодательство должно быть достаточно приспособлено к новым потребностям, порождаемым задачей «устройства мануфактур в нашем королевстве». Оно будет ограничивать потребление предметов роскоши в тех случаях, когда предназначенные на них деньги не расходуются во Франции и не поддерживают национальное производство. Оно, по существу, позволит ввозить лишь необходимое для промышленности сырье. Законодательство разрешит даже свободно перевозить золото и серебро, если мы сможем «таким образом сохранить наши драгоценные металлы и привлечь золото и серебро иностранцев». Наконец, оно улучшит условия труда и попытается сократить число тяжб и споров между мастерами, подмастерьями и учениками через посредство согласительных учреждений, в частности «комиссий по деловым отношениям», которые надлежит создать в каждой епархии.

Сравнительно более либеральный характер промышленной формы меркантилизма отчетливее выражен в торговом меркантилизме. Появление и распространение новых идей, выступление на сцену класса купцов, пример Голландии, свободной страны, которая, разбогатев торговлей, произвела сильное впечатление на общество¹⁰, — все это обеспечивает успех новой концепции: государство богатеет не за счет сельского хозяйства или промышленности, а в основном за счет торгов-

⁹ *B. Laffemas. Règlement général pour dresser manufactures en ce Royaume.*

¹⁰ См.: *William Temple. Remarques sur l'Etat des Provinces-Unies des Pays-Bas, faites en l'an 1672 (La Haye, 1674).*

ли с другими странами. Разве в древности поразительное богатство Сидона и Тира, греческих приморских городов, Карфагена, Александрии, Константинополя и Марселя не зиждилось на процветании торговли? Если в Средние века источники богатства, как пишет Ганиль¹¹, казалось, истощились, то не потому ли, что торговля была скована в своем развитии? И наконец, когда в XII в. источники изобилия, очевидно, открылись вновь, причиной этого опять-таки стала торговля с иностранными государствами: порты Адриатического и Средиземного морей, равно как и ганзейские города, — красноречивые тому свидетельства. Богатые государства — это торговые государства; обогащение народов следовало в направлении внешней торговли, переходя из Венеции в порты Англии и Голландии вместе с перемещением торговых потоков после того, как Васко да Гама в 1498 г. открыл морской путь в Индию.

Итак, именно состояние внешней торговли служит точным барометром национального процветания. И то и другое оценивается через торговый баланс, т.е. посредством сопоставления ввоза и вывоза. Экономический идеал — обеспечить преобладание второго над первым, сделок, приносящих деньги стране, над сделками, изымающими деньги из страны, государственных кредитов над государственными долгами.

С этой формой меркантилизма связаны два имени — Томаса Мена и Джозайи Чайлда.

Т. Мен¹² видит по внешней торговле обычное средство умножения казны, необходимое для государства и для правителя, как ясно показывают примеры Александра, Цезаря, Давида, Сарданапала, Дария, Нерона, Гальбы и Соломона. Вся политику в этой области определяет правило: ежегодно продавать

¹¹ *Ch. Ganilh. Des Systèmes d'Économie politique, de leurs inconvénients, de leurs avantages* (2 vol. Paris, 1809), t. I, p. 67.

¹² Труд Мена, известный под названием «England's Treasure by forraign Trade» (1664), иногда издается под заглавием «England's benefit and advantage by foreign trade plainly demonstrated»^{5*}. Последнее издание осуществлено профессором У. Дж. Эшли (Ashley) в серии «Economic classics» (London, Macmillan, 1895). Французский перевод вышел в 1674 г. Я даю ссылки на английское издание 1718 г.

за границу сумму товаров, превосходящую по ценности сумму ввозимого из-за границы. При соблюдении этого принципа вывоз наличных денег сам по себе не сулит никаких неприятностей. Можно даже осуществлять крупную торговлю в виде прямого обмена с использованием малого количества денег. Опасения бульонистов объясняются тем, что они рассматривают только одну сторону проблемы, не учитывая, что ввезенные товары можно с прибылью перепродать за границу. Таким образом, следует отказаться от их методов и принимать во внимание единственно торговый баланс. Эти методы не только недействительны, но и пагубны; искусственно увеличенное с их помощью обращение металлических денег похоже на бурные потоки, выходящие из берегов и пересыхающие, когда вода внезапно вытекает¹³. Изыскав способ, как подсчитать торговый баланс, Мен далее делает заключение, которое предвосхищает сформулированный физиократами принцип невмешательства в производство и торговлю (*le laisser-faire et le laisser-passer*): «Пускай короли портят монету или изменяют ее ценность. Пускай князья угнетают подвластных, законники обируют клиентов, ростовщики срывают куш, расточители проматывают состояния, а купцы вывозят деньги, когда этого требует их торговля... В государстве невозможно скопить иного богатства помимо того, которое обусловлено благоприятным или неблагоприятным торговым балансом. И так должно быть в силу необходимости, побеждающей любое сопротивление»¹⁴.

Джозайя Чайлд тоже представляет читателю странную смесь авторитаристских и либеральных понятий¹⁵. Автор либерален, когда трактует о компаниях купцов, компаниях, ведущих колониальную торговлю, — корпорациях, куда он рекомендует расширить доступ, говоря, что торговцам и потреби-

¹³ *Mun. Op. cit.*, p. 21.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ В 1668 г. Чайлд публикует «*Brief observations concerning Trade and Interest of money*» и «*A New Discourse of Trade*» — ряд трактатов, переведенных на французский язык В. де Гурнэ (*Gournay*) под названием «*Traité sur le commerce et les avantages qui résultent de la réduction de l'intérêt de l'argent*» (*Amsterdam—Berlin, 1754*)^{6*}.

телям пора учиться действовать на свой страх и риск, что никто не должен «покупать иммунитет и монополию в ущерб своей стране»¹⁶ и что «главной заботой законодателей должно быть попечение об общественном благе в целом, безотносительно к конкретным делам каждого частного лица»¹⁷. Чайлд либерален и тогда, когда осуждает антисемитизм¹⁸: потому, что евреи вносят в торговлю полезное соперничество и показывают хороший пример экономности, потому, что «все люди по природе одинаковы», и потому, что если «причина ненависти кроется в страхе... то общепринятая терпимость обезоруживает людей беспокойных и честолюбивых».

Но либерализм Чайлда рушится, когда он переходит к исследованию торгового баланса и средств развития национальной торговли. К этим средствам относятся не только большая доля торгующих в населении страны, многочисленные капиталы и благоприятные условия, созданные для торговли. Надо еще сделать так, чтобы другие народы были заинтересованы в торговле с нами. Если они не понимают, что торговать с нами — в их интересах, тогда, возможно, придется им это объяснить, и если потребуется, даже принудительно, но с соблюдением приличий и без ущерба для репутации государства. Необходимо всеми силами сопротивляться появлению в Англии иностранных мануфактур. Колонии будут связаны с метрополией строгим колониальным соглашением. Наконец, государство призвано провести существенную реформу, которая для Чайлда всего важнее, «*Unum Magnum*»^{7*}, — искусственно понизить ссудный процент. Смешивая следствие с причиной, он считает, что эта мера будет весьма способствовать прогрессу торговли и производства, облегчая займы и понуждая многочисленных рантье заняться производительным трудом.

Если таково состояние меркантилистской мысли у наиболее известных ее представителей, то вполне понятно, что система меркантилизма не смогла принять научную форму. Кажется, любая попытка придать ей такую форму способствовала ее

¹⁶ *Child. Traités sur le commerce...* (trad. franç.), p. 231.

¹⁷ *Ibid.*, p. 226—227.

¹⁸ *Ibid.*, p. 290—298.

разрушению, вводя в нее какой-нибудь либеральный фактор. Применение же меркантилистской системы на практике могло лишь значительно ускорить процесс ее разрушения.

Чтобы дать ясное представление о практическом применении меркантилизма, следовало бы обратиться к примерам из экономической политики всех крупных государств XVII—XVIII вв. — Англии начиная с царствования Елизаветы, Пруссии при Фридрихе II, Испании, Австрии, даже России при Петре Великом. Нескончаемыми войнами между европейскими государствами мы обязаны господствовавшему меркантилистскому воззрению, давней схоластической мысли, что один получает прибыль непременно в ущерб другому. Эту мысль меркантилист Верри выражает в категоричной формулировке: «Всякой коммерческой выгоде одного народа соответствует ущерб для какого-то другого народа: практика торговли — сущая война»¹⁹.

Поскольку самое широкое применение меркантилистские идеи нашли во Франции и эту систему иногда даже именовали *кольбертизмом*, нам будет достаточно примера Франции, чтобы понять, какое значение может иметь экономическая доктрина и каковы могут быть последствия теоретической ошибки в определении богатства.

Кольбер, проявивший либерализм в таможенном тарифе 1664 г., прислушивается к жалобам владельцев мануфактур и в тарифе 1667 г., можно сказать, кладет начало национальному протекционизму во Франции. Установленные в 1664 г. таможенные пошлины, носившие скорее фискальный, чем защитительный, характер, заменены 700 вывозными пошлинами и 900 ввозными пошлинами, теперь уже открыто предназначенными защитить национальную промышленность. Англичане и голландцы отвечают повышением пошлин на французские товары и к тому же запретом на наши вина и водку, основной предмет нашего экспорта. Так как это задевает экономические интересы, война неминуема. В 1672 г. разражается война с Голландией. Нимвегенский мир влечет за собой отмену тарифа 1667 г. и обоюдную свободу торговли между двумя странами.

¹⁹ Цит. по: *Schmoller*. *Principe d'économie politique*, Introduction (trad. franç., Giard et Brière, 1905, t. I), p. 208—209.

Что касается Англии, то она тотчас же вводит запрет на всякую торговлю с Францией «как вредную для государства».

Преимущества Кольбера лишь активно внедряют его систему. Одна и та же причина вызывает одни и те же следствия. В 1688 г. начинается новая война с Голландией; спустя два года после заключения в 1697 г. Рисвикского мира Франция утверждает новые тарифы, согласно которым голландские товары пользуются налоговыми льготами.

Противодействуя Англии, мы в 1687 г. повышаем пошлины на шерстяные ткани, основной предмет английского экспорта. В 1696 г. Англия в ответ навечно устанавливает для наших товаров ввозные пошлины, на 25% превышающие пошлины для других стран. В 1701 г. Франция по решению Государственного совета вводит запрет на многие английские товары, повышает пошлины на ряд других и пытается ущемить английский флот дополнительными флаговыми сборами. В 1703 г. Англия подписывает Метуэнский договор с Португалией, обеспечивающий португальским винам преимущество перед нашими за счет втрое меньшего налога на их ввоз. За бочку шампанского, ввозимую в Англию, теперь надо заплатить пошлину в 475 франков, за бочку бургундского — в 750 франков.

Подобные события не могут оставить равнодушными тех, кого по роду занятий или по склонности интересуют экономические вопросы. С конца XVII в. процесс разрушения меркантилизма усиливается, не потому, что пошатнулись его теоретические основы, а потому, что стали иными его применения в социальном искусстве^{8*}. По-прежнему признают, что торговля должна приносить стране богатство в подлинном смысле слова — золото и серебро. Однако режим, наиболее благоприятствующий торговле, — не регламентирование, опасные следствия которого очевидны, а свобода. Так складывается переходная форма между меркантилизмом и либерализмом, которую мы предложили назвать *либеральным меркантилизмом*²⁰. Она получает выражение, в частности, в протестах купцов и депутатов Совета по тор-

²⁰ A. Schatz, R. Caillemer. Le mercantilisme libéral à la fin du XVIIme siècle. Les idées économiques et politiques de M. de Belesbat (Revue d'Économie politique, 1906).

говле, в особенности же — в неопубликованной рукописи придворного Людовика XIV г-на де Белеба.

Характерные черты этого меркантилизма следующие. Его представители признают, что драгоценные металлы играют решающую роль в национальной экономике. Они признают полезным для государства иметь многочисленное и богатое население. Они не сомневаются в целесообразности покровительственной роли «заведующего королевством» в экономической области. Из этих теоретических принципов новые меркантилисты выводят заключение, что чем больше пользы приносит торговля, тем более благоприятный режим должен создавать для нее государь. Но этот режим — свобода. «Торговля живет свободой и умирает от опеки». Кольбертизм подвергается строгой критике за множество административных преград, на которые натолкнулось развитие деловой активности нации; за полчища бездарных служащих и чиновников, загруженных работой, которую не в силах успешно выполнить человеческий разум; за протекционистскую политику, которая неизбежно порождает войны, разделяя народы, тогда как свободный обмен вочию показал бы их взаимозависимость (*solidarité*). В частности, в отношении Голландии критики кольбертизма объясняют, каким образом ее национальная экономика, по существу, дополняет нашу, поскольку мы производим для внутреннего потребления слишком много, а она — недостаточно. Значит, между нашими странами должно установиться разделение труда: одна производит, другая торгует. Между их интересами царит предопределенная гармония. Глубина убеждений такова, что эти новые принципы провозглашаются одним из придворных Великого короля в то самое время, когда мы воюем с Голландией и Людовику XIV едва ли по вкусу подобные уроки.

Казалось бы, меркантилизм, придя к мысли о взаимозависимости народов и международном разделении труда, изжил себя. Но это не так. У либеральных меркантилистов сохраняется авторитаристское представление о верховной власти.

Экономический порядок все еще рассматривается как творение законодателя, который должен всего лишь изменить свои методы и, продолжая оказывать торговле «деятельное покровительство», высвободить ее, устранить сложные механизмы, пре-

пятствующим ее ускоренному росту. Таким образом, меркантилизм претерпел эволюцию, но устоял, невзирая на внутреннее разложение, приближающее его к либерализму. Он даже будет отражать критику извне и противиться либеральной доктрине физиократов. Еще и в XVIII в. у него будут свои представители в Англии, например Дж. Стюарт, в Италии, например Дженовези, Беккариа и Верри, во Франции, например Форбонне. Если бы мы проследили меркантилистскую идею в XIX и XX вв., то обнаружили бы ее у современных протекционистов.

II. *Руководящие идеи антимеркантилистской реакции*

Если применение меркантилизма к таможенной и торговой политике вызвало определенную ревизию системы, то общая антимеркантилистская реакция усиливается с тех пор, как стала понятна действительная цена этой политики. Францию хотели сделать богаче, регламентируя, ради их развития, то сельское хозяйство, то промышленность, то торговлю. Сельское хозяйство изнемогает от налогов и притеснений. Бедность в деревнях так тяжка, что для ее описания создана целая экономическая литература, представленная в основном Буагильбером и Вобаном. Лабрюйер в одном известном пассаже говорит о крестьянах своего времени: «Порою на полях мы видим каких-то диких животных, мужского и женского пола: грязные, землисто-бледные, спаленные солнцем, они склоняются к земле, копая и перекапывая ее с несокрушимым упорством...»^{9*}

Промышленность задыхается в тесных рамках навязанной ей регламентации, которую все труднее совместить с возрастающей сложностью экономической жизни. Промышленники стремятся избавиться от всякой цеховой организации. Наконец, торговля не приемлет систему, вызывающую непрерывные войны; она требует мира и свободы. Думали, что рождающаяся нация могла бы устроить свою жизнь в узком пространстве и все части этой машины послушно двигались бы по воле бдительного механика. Но вот нация выросла; обычными понятиями стали для нее личная инициатива, личная автономия

и личная ответственность. Законодательная постройка, в которой она замкнута, дала трещины. Чтобы удовлетворить теперь уже общую потребность дышать в полную силу, нужно отворить окна. Однако пройдет еще немало времени, пока окна будут распахнуты настежь и расположены симметрично. Дело в том, что реформа есть также и революция, не только в сфере событий, но и в сфере идей. Это вполне понятно.

В течение столетия, с 1650 по 1750 г., каждое из конкретных применений меркантилизма оказывается объектом отдельной критики. Сетуют и на запрещение вывозить деньги, и на регламентирование ссуды под проценты, и, как мы видели на примере Дж. Чайлда, на корпорации с их политикой²¹, и на таможенный протекционизм, в особенности на ограничения торговли зерновым хлебом²², и на защиту национального труда от эмиграции иностранных рабочих, и на запрещение роскоши и т.д. Вся эта критика колеблет регламентационный принцип и одновременно наносит удар по примитивному и наивному представлению об экономическом порядке. Прежде думали, что этот порядок — всецело творение законодателя, располагающего по своему усмотрению индивидами и установлениями, как играющий в шахматы — своими пешками, а теперь замечают, что каждое из распоряжений законодателя вредит национальным интересам. Искусственно создаваемого порядка больше нет. Регламентация бессильна его воскресить. Но тогда как же

²¹ Одно из наиболее полных исследований на эту тему, опубликованных в тот период, — [*Clicquot de Blervache.*] *Considérations sur le Commerce et en particulier sur les compagnies, sociétés et maîtrises* ([*Клико де Блерваш.*] «Соображения о торговле, и в частности о компаниях, обществах и цеховых объединениях») (Amsterdam, 1758).

²² Самые либеральные мысли в этом вопросе были изложены, в частности, откупщиком Клодом Дюпенем, дедом Жорж Санд^{10*}. В своей докладной записке, составленной в 1742 г., он предлагает не только разрешить свободный вывоз и ввоз, но и, более того, в случаях неурожая и повышения курсов, выплату ввозных премий: *C. Dupin. Mémoire sur les bleds avec un projet d'édit pour maintenir en tout temps la valeur des grains à un prix convenable au vendeur et à l'acheteur* (1748), p. 40, art. XVIII du projet d'édit. Эта же мера рекомендуется в сочинении *Herbert. Essai sur la police générale des grains* (Berlin, 1755), p. 175, ch. «Droits».

будут строиться экономические отношения? Вот вопрос, поставленный развитием критического духа. И это вопрос фундаментальный, ведь именно в поисках ответа на него постепенно проявляется и распространяется идея, что экономический порядок — отнюдь не искусственное творение законодателя, точно так же как порядок, естественно наличествующий в функциях организма, — не творение гигиениста, что продукты создаются и распределяются посредством механизма, аналогичного тому, благодаря которому мы дышим и кровь течет по нашим венам и артериям, — словом, что существует естественный экономический порядок и он способен заменить собой искусственный порядок регламентации, когда законодатель поймет, насколько ограничена его собственная роль. Как только эта идея получает научное обоснование, можно сказать, рождается индивидуалистическая доктрина. Общественной мысли для этого потребовалось около восемнадцати столетий.

Идея естественного экономического порядка претерпевает медленную эволюцию²³ от подсознательных сомнений до полной очевидности, достигаемой ею в формулировке физиократов. В реакции против меркантилизма мы находим лишь зыбкое и элементарное представление об этом порядке. Точнее, тогда появляются определенные руководящие идеи, которые займут свое место в новой доктрине, но пока еще остаются не согласованными и не связанными между собой. Мы не намерены подробно изучать каждую из форм антимеркантилистской реакции. Наша задача — исследовать те руководящие идеи, которые, соединившись, составят либерализм.

Первую из этих идей я назову *провиденциалистским финализмом* — выражение сложное, но короткое, обозначающее определенную совокупность простых идей. Очевидно, все противники меркантилизма в XVII—XVIII вв. движимы тем, что Тэн называет классическим духом, усматривая в нем психологию французского общества той эпохи. В частности, люди, отвергающие меркантилизм, за редким исключением, глубоко религиозны и веруют в постоянное вмешательство Божественного про-

²³ См.: *Hasbach*. Les fondements philosophiques de l'Économie politique de Quesnay et de Smith (Rev. d'Écon. polit., 1893, p. 147).

видения в события дольного мира. Если Бог существует и если он оказывает влияние на человеческие дела, то не иначе как для счастья его созданий. Стало быть, жизнь в обществе имеет цель, угодную Провидению, — само это счастье. Но откуда происходит жизнь в обществе? Из наших склонностей, или естественных способностей. Если Провидение даровало нам общественные инстинкты и сделало объединение в общество необходимым, значит, наши свободно применяемые естественные способности обеспечивают возможность жизни в обществе и водворяют там именно такой порядок, какого требует наше счастье.

Так, Вандерлинт²⁴, размышляя об одном конкретном экономическом явлении, прозревает «тот путь Провидения, который запечатлен в природе вещей ради благоденствия и счастья человечества». Джозайя Такер ставит вопрос, тоже утверждающий веру в некое начало естественного порядка: «Можете ли вы предположить, что Божественное провидение действительно установило такой порядок вещей, при котором нужды национальной обороны несовместимы с началами всеобщего доброжелательства и стараниями поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы поступали с нами самими? Признаюсь, мне и в голову не приходило, чтобы всеведущее, справедливое и благое Существо измыслило план, в различных частях своих настолько противоречивый, что в морали на нас возлагаются одни обязанности, а в торговле — совершенно другие, так что долг и мирские интересы у нас непримиримы»²⁵.

Но вмешательство Провидения выражается не в беспорядочных событиях, сообразных только с прихотями всемогущей воли. В течении событий наблюдается определенная регулярность, и их последовательность обнаруживает определенные законы, называемые *естественными законами*. Это вторая из упомянутых выше руководящих идей; с середины XVII в. мы находим ее

²⁴ *Vanderlint*. Money answers all things^{11*} (London, 1743).

²⁵ *Josiah Tucker*. Tracts on political and commercial subjects^{12*} (1758). Эта теистическая черта сохраняется у некоторых представителей либерализма и в XIX в. «Остается выяснить... — пишет, например, Дюнуайе, — строго ли разделены в замыслах Провидения общая справедливость и общая польза...» (J. des Économistes, déc. 1847, p. 21).

в сочинениях Уильяма Петти²⁶. По мнению Петти, экономиста и врача, жизнедеятельность социального организма во всем подобна жизнедеятельности любых живых организмов. До того как он приступил к «политической анатомии Ирландии»^{13*}, к изучению ее «симметрии, строения и соотношения частей»²⁷, Петти в «Трактате о налогах и сборах» (1662) высказал убеждение в «тщетности и бесплодности положительных гражданских законов, противоречащих законам природы»²⁸. Он заявил: «Вообще мы должны учесть, что если благоразумные врачи не пичкают чрезмерно своего больного лекарствами, скорее наблюдая процессы природы и сообразуясь с ними, чем противясь им своими собственными насильственными действиями, то и в политике и экономике надлежит поступать таким же образом»²⁹.

Тожественность законов, открываемых при изучении физиологических явлений и при исследовании явлений общественных, настолько привлекала внимание наблюдателей, что отмечалась еще с древних времен; заметили ее и меркантилисты, однако не осознали ее истинного значения. В конце XVII — начале XVIII в. она получает точное выражение и прокладывает путь новой доктрине. Буагильбер³⁰ признает существование

²⁶ Les œuvres économiques de sir William Petty, trad. franç. (2 vol., Giard et Brière, 1905).

²⁷ Ibid., t. I, p. 149. <См.: *Петти В.* Экономические и статистические работы. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. С. 90.>

²⁸ Ibid., t. I, p. 48. <См.: Там же. С. 38.>

²⁹ Ibid., t. I, p. 64. <См.: Там же. С. 48.>

³⁰ Сочинения Буагильбера были частично опубликованы Э. Дэрмом (Eug. Daire) в серии «Collection des Grands Économistes» (t. I: *Économistes financiers du XVIIIme siècle*, 1843). Собрание сочинений Буагильбера, вышедшее в 1707 г. (2 vol. in-12, s. l.), содержит, кроме того, «*Traité du mérite et des lumières de ceux que l'on appelle gens habiles dans la Finance ou grands financiers*» («Трактат о достоинстве и просвещенности тех, кого называют людьми, сведущими в финансах, или крупными финансистами») (трактат воспроизведен И. Э. Хорном (*J.-E. Horn*) в исследовании, указанном ниже) и «*Mémoire qui fait voir en abrégé que, plus les bleds sont à vil prix, plus les pauvres sont misérables, ainsi que les riches qui seuls les font subsister, et que, plus il sort de grains du Royaume et plus on se garantit d'une cherté extraordinaire*» («Записка, немногословно

естественных законов, установленных Провидением на благо общества. Он обнаруживает, что во всех искусствах и профессиях «есть свой необходимый уклад, который может поддерживать одна лишь природа, но отнюдь не власть...»³¹. Естественные законы создают экономический порядок, основанный на стремлении к прибыли, порядок, который не зависит от нашей воли и которому мы должны подчиняться; пресловутая «тонкая политика», внушаемая чувствительностью и состраданием, напрасно старается изменить этот порядок: «природа... незамедлительно карает неповиновение ее законам, в чем люди слишком часто убеждались на опыте»³².

К идее естественных законов вскоре прибавляется другая идея, которая является пока еще не попыткой объяснить их суть и сокровенную природу, а просто констатацией их следствий. Это идея о том, что беспрепятственное действие естественных законов раскрывает *гармонию личных и международных интересов*. С 1662 г. ее четко выражает Питер де Ла Кур³³. Ана-

доказывающая, что чем дешевле хлеб, тем больше нищают бедные, равно как и беднеют богатые, которые одни только и поддерживают их существование, и что чем больше зерна вывозится из Королевства, тем более вероятна чрезвычайная дороговизна»).

О Буагильбере см. следующие работы: вступительная статья, которой Дэр предваряет свое издание; два произведения, авторы которых, кажется, слишком озабочены тем, чтобы изобразить Буагильбера предшественником ортодоксального либерализма, — *J.-E. Horn. L'Économie politique avant les Physiocrates* (1867) и *F. Cadet. Pierre de Boisguillebert, précurseur des Économistes* (1870) (в 1886 г. обе работы были удостоены премии Академии моральных и политических наук); *G. Cohn. Boisguillebert (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1869)*; *Von Skarzynski. P. de Boisguillebert und seine Beziehungen zur neueren Volkswirtschaftslehre* (Berlin, 1873).

³¹ *Boisguillebert. Traité des grains, ch. X (éd. Daire, p. 390).*

³² *Boisguillebert. Dissertation sur la nature des richesses, ch. V (éd. Daire, p. 411).* <См.: *Буагильбер П. Рассуждение о природе богатства, денег и налогов... // Червонная Т. М. Из истории экономической мысли во Франции XVII—XVIII вв. [Горький]: [б. и.] С. 28.>*

³³ П. де Ла Кур — голландский экономист, опубликовавший в 1662 г. «Интерес Голландии» («*Interest van Holland*»). Французский перевод вышел в составе книги «*Mémoires de Jean de Witt, grand pensionnaire*

литическое мышление позволяет ему разъяснить, что «истинные интересы всех стран состоят в общем преуспевании правящих и народа»³⁴ и что «интересы жителей Голландии взаимосвязаны»³⁵. Основываясь на этом, Ла Кур осуждает главные посягательства на свободу — свободу вероисповедания, свободу труда, — совершаемые в его время цеховыми корпорациями, учреждение которых делает безразличными и ленивыми тех, кому они гарантируют доход, при том что «они исключают людей весьма способных, кого нужда побудила бы приобрести мастерство»³⁶. Свобода, без которой всякая страна «не что иное, как место каторжных работ или узилище», «превращает в рай даже и беднейшее государство мира»³⁷.

В 1691 г. ту же мысль развивает Дадли Норт: «Весь мир в отношении торговли есть как бы единый народ, или единая страна, в которой нации — все равно что отдельные люди. <...> Не может быть торговли, невыгодной для общества, ибо, если какая-либо торговля оказывается невыгодной, люди ее прекращают. И когда купцы богатеют, богатеет и общество, коего они составляют неотъемлемую часть»³⁸.

В 1696 г. Грегори Кинг³⁹ доказывает, что торговец зерном, преследуя собственные интересы, приносит пользу обществу, как раз тогда, когда либеральные меркантилисты пишут о нашей заинтересованности в том, чтобы Голландия была свободной и процветающей. Наконец, Джозайя Такер также утверждает, что внутригосударственные и международные интересы взаимосвязаны.

Оставалось сделать еще один шаг, чтобы старое схоластическое и меркантилистское представление об отношениях обме-

de Hollande, traduits de l'original en françois» (3me éd. à Ratisbonne chez Érasme Kinkius, 1709).

³⁴ Mémoires de Jean de Witt, p. 2.

³⁵ Op. cit., ch. VII (titre).

³⁶ Op. cit., p. 46.

³⁷ Op. cit., p. 330.

³⁸ *Dudley North*. Discourses upon trade, principally directed to the cases of the interest, coinage, clipping and increase of money^{14*} (London, 1691).

³⁹ *Gregory King*. Natural and political observations and conclusions upon the state and condition on England in 1696^{15*} (опубликовано в 1801 г.).

на было окончательно осуждено. Требовалось разъяснить, что *интересы являются не только гармоничными, но и общими (solidaires)*. Это четвертая руководящая идея в период выработки либеральной системы. Изложил ее Бугильбер. Он показывает общность интересов между социальными классами в то самое время, когда привилегированные классы могут похвалиться тем, что почти целиком переложили налоговое бремя на обездоленных. Эта общность сравнима с той взаимозависимостью, которая существует между различными частями человеческого тела. «В государственном организме бедные — это глаза и череп, т.е. части слабые и ранимые, богатые же — руки и все остальное тело. Удары, наносимые по гражданскому корпусу ради нужд государства, почти неощутимы, когда направлены на сильные и грубые части, но смертельны, когда приходится на слабые места, каковые суть бедняки»⁴⁰.

Такая же взаимозависимость существует между различными профессиями. Бугильбер показывает это, сближая искусство комедианта, относящееся к роскоши, с самым необходимым занятием — трудом земледельца⁴¹. Только когда земледелец, благоденствуя, будет располагать избыточным доходом, чтобы тратить его на развлечения, актер сможет спокойно заниматься своим искусством и тем зарабатывать себе на жизнь. Следовательно, все заинтересованы в том, чтобы земледелец получал за свой продукт выгодную цену, т.е. цену, перекрывающую самую высокую цену производства. Странное заблуждение — считать, что, искусственно понижая цену хлеба, «дабы бедняки могли прокормиться»⁴², проявляют христианское благочестие и милосердие.

Наконец, взаимозависимость, или общность интересов, существует и между народами. Неверно, что выигрыш одного — это потеря для других. Провидение, создав разнообразие национальных производств и природных способностей населения разных стран, ясно указало на то, что между богатыми и бедными

⁴⁰ Boisguillebert. *Factum de la France*, ch. XI (éd. Daire, p. 336).

⁴¹ Boisguillebert. *Dissertation sur la nature des richesses*, ch. IV (éd. Daire, p. 406—407). <Бугильбер П. Указ. изд. С. 19—21.>

⁴² Boisguillebert. *Traité des grains*, ch. VI (éd. Daire, p. 382).

странами, как и между индивидами, должно установиться разделение труда, для наибольшего блага всех и каждого⁴³.

Таковы, с нашей точки зрения, руководящие идеи, которые можно выделить из экономической литературы рассматриваемого периода, весьма обильной, весьма многословной и весьма расплывчатой. Эти идеи отнюдь не составляют целостной системы. Они не согласованы друг с другом и позволяют прийти лишь к отдельным заключениям. Тем не менее в истории индивидуализма они являются основополагающими. Они свидетельствуют о развитии общественного мнения с его колебаниями и опасениями. Эти идеи — бледное пламя свечи, передаваемой от поколения к поколению и еще не озарившей глубокий мрак, в котором блуждает экономическая мысль. Что же понадобится для соединения разрозненных элементов? Понадобится, чтобы экономическая мысль, едва освободившись от бремени морали и теологии, приняла бремя философии. Именно философы, расширяя существующие границы наблюдений, будут искать, одни в психологии, другие — в естественном праве и социальной теологии, твердое основание того стихийного порядка, который в редких случаях являл себя пронизательным мыслителям, но еще не раскрылся в своей величественной простоте и своей блистательной гармонии.

⁴³ «Природа, — говорит Бугильбер, — одинаково любит всех людей и желает прокормить их всех без различия. Но так как в раздаянии хлеба насущного она не всегда столь же щедра в одной местности, как в другой, и, преизобильно даруя зерно в одном краю или даже в одном королевстве, почти полностью лишает его другую страну, стало быть, ей ведомо, что благодаря взаимной помощи недостаток будет возмещен к обоюдной выгоде... В этом природа не знает ни разных государств, ни разных правителей, не тревожится о том, дружат они или враждуют, ведут ли между собою войну, — лишь бы они не объявляли войну ей самой...» (*Dissertation sur la nature des richesses*, ch. V, éd. Daire, p. 410—411). <См.: Указ. изд. С. 27.>